

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ли *малын идг уга һазр* 'земли без подножного корма'.

Скотоводы высоко ценят земли с обильной травой – *өвсрхг һазр*. Народная пословица гласит: *Өвсн урһхла һазрин чимг, күүкд цугр-хла нээрин чимг* ('Вырастает трава – украшение земли, соберутся девушки украшение пира'). В калмыцком языке слово *ноһан* обозначает родовое понятие 'трава'. Для обозначения разновидности травы, пригодной для корма скота, существуют специальные лексические средства, например: *нөөлүр* 'густая трава', *өлң* 'трава зеленая (мурава)', *хагд* 'прошлогодняя трава'.

В калмыцком языке широко представлена лексика, обозначающая флору, в особенности разные виды трав, характерные для степи и употребляемые животными [3]. Названия степных трав, входящие в субконцепт «степь», положены в основу многих поэтических образов калмыцкого фольклора и поэзии. Современные поэты называют степь *буурл тег* 'седая степь' (этот образ сложился от светлых колосьев степного ковыля). В национальной поэзии наиболее часто воспеваются *цаһан өвсн* 'ковыль', *бамб цецг* 'тюльпан', *шарлжн* 'полынь'. Образы этих растений положены в основу метафорического представления характера калмыков: *цаһан өвсн* 'ковыль' – непокорность, *бамб цецг* 'тюльпан' – девичья красота и стойкость; с терпким запахом полыни у калмыков ассоциируется родина – калмыцкая степь. С запахами, красками, образами, символами связана неповторимость этнической культуры. В связи с этим уместно вспомнить один из образов калмыцкого фольклора – юношу, который в чужом краю забывает о родине под воздействием злых чар. Чтобы вернуть ему память, родные посылают ему пучок полыни. Вдохнув терпкий запах, юноша вспоминает забытую родину и возвращается в родной *нутуг* (кочевье).

Таким образом, концепт «земля» является важным для картины мира калмыков-кочевников. Он представлен в языке в виде развернутой системы, которая включает инвентарь единиц, детально обозначающих представления народа о земле. Специфика хозяйственной деятельности кочевников обусловила высокую ценность земельных угодий, пастбищ, что отражается в образе мира калмыка.

Следует заметить, что для скотоводов большое значение имеет вода. Дальнейшие исследования будут направлены на анализ концепта «вода» в калмыцкой лингвокультуре,

поскольку родина в представлении калмыков – это *һазр-усн* 'земля-вода'.

Литература

1. Бананова В.А., Борликов Г.М., Харин Н.Г. [и др.]. Опустынивание засушливых земель Прикаспийского региона. Ростов н/Д., 2000.
2. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
3. Манжга Б. Хальмг-орс терминологический словарь. Элст, 2007.
4. Монран М. Хальмг келнэ синонимсин толь. Элст, 2002.

Earth as a linguistic cultural concept of the mental world of the Kalmyk

There is characterized one of the basic concepts of Kalmyk linguistic culture – "Earth". There are revealed its conceptual, figurative and value signs; stated the high value status of the concept for Kalmyk world picture.

Key words: *concept, linguistic culture, value, assessment.*

У. АЯ
(Нарва, Эстония)

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ НА ФОНЕ ЭСТОНСКИХ: К КОНЦЕПЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Показаны проблемы двуязычной лексикографической репрезентации пословиц в лингвокультурологическом аспекте. Согласно авторской концепции, этнокультурная специфика пословиц отражается за счет их тематической классификации, указаний на сходства и различия образной структуры и комментирования культурно-детерминированных компонентов.

Ключевые слова: *пословица, двуязычная лексикография, тематический словарь, межъязыковой эквивалент, лингвокультурологический комментарий.*

Русские пословицы в отличие от лексики и фразеологии (идиоматики) не столь широко представлены в словарях лингвокультуроло-

гического типа. Первым опытом лексикографической разработки этнокультурно-детерминированных паремий в России стал лингвострановедческий словарь В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» [14]. Здесь получили исчерпывающую семантизацию и культурологический комментарий 450 наиболее употребляемых пословиц, поговорок и крылатых выражений, расположенных в алфавитном порядке.

Как известно, большим информативным потенциалом в лингвокультурологическом плане обладают тематические и тематико-идеографические словари, отражающие в своей классификационной схеме языковую картину мира соответствующего этноса. В этом смысле первыми словарями пословиц, в которых материал был представлен в лингвокультурологическом аспекте, можно считать тематические сборники И.М. Снегирева (1831 г.) [13], В.И. Даля (1862 г.) [1], И.И. Иллюстрова (1915 г.) [5]. В конце XX в. традиции тематической репрезентации и лингвокультурологического комментирования русских пословиц продолжили В.И. Зимин и А.С. Спирин (словарь «Пословицы и поговорки русского народа» [4]). Тематический принцип группировки пословиц на диалектном материале реализован В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной в «Словаре псковских пословиц и поговорок» [8]. Эти же авторы обосновывают концепцию детализированной тематико-идеографической репрезентации пословиц [10] и воплощают ее на более широком общерусском массиве ценностно-ориентированных паремий в словаре «Народная мудрость: Русские пословицы» [7].

Эстонский материал (около 15 000 паремий) тематико-идеографически структурирован в словаре, составителями которого являются А. Крикманн, А. Хуссар и И. Сарв [18]. Авторы объединяют пословицы в 9 крупных тематических групп («Природа», «Биологический человек», «Виды жизнедеятельности, профессии», «Изготовление, приобретение, собирание, расходование» и др.) и детализируют классификацию внутри каждой из тем.

Таким образом, российские и эстонские паремиологи вплотную подошли к созданию двуязычного тематического словаря пословиц, который уже в силу жанрового своеобразия имеет лингвокультурологический характер, а при наличии соответствующих комментариев еще шире раскроет лингвокультурологический потенциал русских пословиц на фоне эстонского языка (отметим, что в насто-

ящее время тематическая словарная репрезентация русских паремий еще не осуществлялась в двуязычном варианте).

Словарной разработке материала должны предшествовать его детализированное сопоставительное исследование и классификационные процедуры: выделение тематических групп (их названия станут в словаре именами макростатей) и подгрупп (которые будут задавать названия рубрик внутри макростатей).

Так, тематическая группа «Счастье» может быть структурирована следующим образом.

СЧАСТЬЕ

1. Счастье и судьба

В пословицах данной подгруппы утверждается, что счастье определяется судьбой и даже отождествляется с ней: *Всякому свое счастье* [9, с. 890] – *Igal oma õnn* [17, с. 826]. Такие паремии, представляющие собой полные русско-эстонские эквиваленты, могут быть объединены в словаре знаком равенства (= =), отражающим совпадение семантики и лексико-синтаксических параметров (а также образной структуры при наличии образности). В пословицах, объединенных под той рубрикой, говорится о независимости счастья от каких-либо обстоятельств жизни и заслуг человека: *Счастье придет и на печи найдет* [1, с. 39]; *Счастье что трястье: на кого захочет, на того и нападет* (Там же, с. 41); *Дурак спит, а счастье в головах лежит* (Там же, с. 39). В эстонском языке этот смысловой мотив передается пословицами, полностью отличающимися от русских по лексическому составу, синтаксической и образной структуре. Они будут не объединяться с теми или иными русскими паремиями как переводные эквиваленты, а представляться в совокупности под знаком (= #), отражающим смысловое сходство и различия образной структуры и лексического состава: *Õnn tuleb alati sealt, kust teda ei tea oodata* (букв. *Счастье всегда приходит оттуда, откуда и ждать не знаешь*) [17, с. 828], *Kust tuul, sealt õnn* (букв. *Откуда ветер, оттуда и счастье*) (Там же, с. 371), *Ega õnn ei ole oma võtta* (букв. *Счастье от самого себя не зависит*) (Там же, с. 825).

Отдельный лингвокультурологический комментарий (мы представим его ниже) будет сопровождать в словаре этнокультурно-детерминированные компоненты пословиц, например, в материале данной подгруппы – слово *печь*, а также устаревшую лексику и диалектизмы (*трясье*).

2. Счастье и заслуги человека

В пословицах данной подгруппы утверждается прямо противоположное: счастье зависит от заслуг, вклада человека. Здесь мы находим полные русско-эстонские эквиваленты: *Всяк своего счастья кузнец* [9, с. 893] = = *Igaiüks on oma õnne sepp* [17, с. 826]. В эстонском языке есть и противоположная по смыслу поговорка: *Igaiüks pole oma õnne sepp mitte* (букв. *Не всякий – кузнец своего счастья*). Она может быть представлена как третья поговорка в этом ряду соответствий под знаком (# ~): смысловое различие при частичном сходстве образного мотива и лексического состава. Не имеющая русской параллели поговорка *Kuda mees, nõnda õnn ka* (букв. *Каков мужик, таково и счастье*) [16, с. 289] может сопровождаться знаком безэквивалентности (---).

3. Счастье и характер человека

Актуальной для обоих народов является связь счастья с такими личностными качествами, как смелость (в русских поговорках также отвага, стойкость) и глупость. Русская поговорка *Смелому счастье помогает* [11, с. 82] имеет полное соответствие в эстонском языке: *Julget aitab õnn* [15, с. 482]. В остальных случаях наблюдается частичное соответствие между анализируемыми поговорками: *Глупому счастье, а умному Бог даст* [2, с. 358]; ср.: эст. *Tark elab aruga, rumal õnnega* (букв. *Умный живет с умом, а глупый со счастьем*) [16, с. 181]. В данном противопоставлении ума и глупости межязыковая общность характерна только для одной части поговорки: *глупый человек живет со счастьем*; фрагменты поговорок, в которых речь идет об умном, не совпадают: в русском языке, в отличие от эстонского, упоминается Бог как внешняя сила, влияющая на жизнь человека. Таким образом, данная русско-эстонская паремнологическая параллель представлена единицами с частичным сходством как в сфере образной структуры, так и в семантическом отношении (~). Аналогичным образом соотносятся эстонские и русские поговорки, в которых в связи со счастьем упоминается зависть (которая не приносит счастья): *Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет)* [3, с. 134], *Õndsas õnn läheb ees, kadeda kari tuleb taga* (букв. *Счастье праведного идет впереди, стадо завистника идет позади*) [17, с. 84]. Специфическим для эстонских поговорок смысловым нюансом и его лексическим воплощением (---) служит связь счастья и лени: *Laisal on alati õnne*

(букв. *У ленивого всегда есть счастье*) [16, с. 79].

4. Переменчивость, ненадежность счастья

О скоротечности счастья, его ненадежности и переменчивости говорится в поговорках обоих народов. Здесь встречаются поговорки, частично различающиеся лексическим составом, синтаксической структурой: *Кому счастье, а нам несчастье* [6, с. 19] – в эстонском языке в большей степени подчеркивается относительный характер счастья: *Mis ühele õnn, see teisele kahju* (букв. *Что одному счастье, иному несчастье*) [17, с. 843]. Счастье как нечто неуловимое представлено в различных по образному наполнению поговорках: *Счастье в руки не поймать* [3, с. 235] – *Õnne ei saa õngitseda* (букв. *Счастье не выудишь*) [17, с. 828]. Обманчивость счастья также находит различное образное воплощение в поговорках двух языков: *Счастью не вовсе верь* [2, с. 47] – *Õnn on petis* (букв. *Счастье – обманщик*) [17, с. 830]. Кроме того, счастье может быть утрачено и по вине самого человека. Поговорки, отражающие это народное наблюдение, имеют дидактический характер: *Нового счастья ищи, а старого не теряй* [9, с. 893] – *Ära põlga õnne, kui õnn käes on* (букв. *Не отворачивайся от счастья, коли счастье в руках*) [16, с. 740].

5. Счастье и несчастье

Опасение утратить счастье передается в поговорках отражением тесной связи счастья и несчастья. В образной структуре эстонских поговорок эта близость особенно явственна: *Õnn ja õnnetus käivad käsikäes* (букв. *Счастье и несчастье ходят рука об руку*); *Õnn ja õnnetus on kaksikvennad* (букв. *Счастье и несчастье братья-близнецы*) [18, с. 537], ср. в русском языке: *Счастье с несчастьем близко живут* [12, с. 11]; *Счастье и несчастье на одном полу едут* [9, с. 40].

С другой стороны, мы выявили поговорки, где мотив естественной связи счастья и несчастья имеет эмоционально положительную окраску. Такие поговорки построены на противопоставлении и в то же время на взаимообусловленности счастья и несчастья. Эта логико-семантическая модель характерна и для русского, и для эстонского языков: *Нем худа без добра* [11, с. 151] – *Ei ole halba ilma heata* [15, с. 188].

В целом же статья двуязычного тематического словаря поговорок может выглядеть сле-

дующим образом (здесь мы не приводим па-
спортизацию материала, которая будет вклю-
чать указание на автора или название источни-
ка, год издания и страницу расположения по-
словицы):

СЧАСТЬЕ

1. Счастье и судьба

Всякому свое счастье. = = Igal oma õnn.

Счастье придет и на печи найдёт; Сча-
стье что трястье** : на кого захочет, на того
и нападёт; Дурак спит, а счастье в головах ле-
жит. = # Õnn tuleb alati sealt, kust teda ei tea
oodata; Kust tuul, sealt õnn; Ega õnn ei ole oma
võtta.*

2. Счастье и заслуги человека

*Всяк своего счастья кузнец. = = Igaiüks on
oma õnne sepp. # ~ Igaiüks pole oma õnne sepp mit-
te.*

--- *Kuda tees, nõnda õnn ka.*

3. Счастье и характер человека

*Смелому счастье помогает. = = Julget
aitab õnn.*

*Глупому счастье, а умному Бог даст. ~ ~
Tark elab aruga, rumal õnnega.*

*Завистливый по чужому счастьем сохнет
(чахнет). ~ ~ Õndsas õnn läheb ees, kadeda kari
tuleb taga.*

--- *Laisal on alati õnne.*

4. Переменчивость, ненадежность сча- стья

*Кому счастье, а нам ненастье (Kellele
õnn, aga meile kahju). ~ ~ Mis ühele õnn, see tei-
sele kahju (Что одному счастье, иному нена-
стье).*

*Счастье в руки не поймаешь (Õnne ei saa
kinni püüda). = # Õnne ei saa õngitseda (Счастье
не выудишь).*

*Счастьем не вовсе верь («Õnne ära usu üld-
se»). = # Õnn on petis (Счастье – обманщик).*

5. Счастье и несчастье

*Нет худа без добра. = = Ei ole halba ilma
heata.*

*Счастье и несчастье на одном полозу
едут; Счастье с несчастьем близко живут. =
Õnn ja õnnetus käivad käsikäes; Õnn ja õnnetus
on kaksikvennad.*

Такой вариант подачи материала адресо-
ван билингвам, владеющим русским и эстон-
ским языками в такой степени, чтобы пони-
мать смысл и образное наполнение незнако-

мой паремии, исходя из ее компонентного
состава и тематической принадлежности. В
учебном двуязычном тематическом словаре
может быть приведен дословный перевод па-
ремий, не обладающих полной эквивалентно-
стью, например:

Таким образом, лингвокультурологи-
ческий аспект описания паремиологиче-
ского материала в двуязычном словаре ре-
ализуется за счет тематической классифи-
кации пословиц, отражения степени их се-
мантической и образной эквивалентности и
комментирования отдельных компонентов-
лингвокультурем.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М. :
ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого русско-
го языка : в 4 т. 3-е изд. М. : ГИС, 1955. Т. 1.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого русско-
го языка : в 4 т. 3-е изд. М. : ГИС, 1955. Т. 3.
4. Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и по-
говорки русского народа. М. : Сюита, 1996.
5. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в
его пословицах и поговорках: Сборник русских по-
словиц и поговорок. СПб., 1915.
6. Князев В.В. Книга пословиц. Выборки
из пословичной энциклопедии. Л. : Красная газ.
1930.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная
мудрость: русские пословицы. М. : ОЛМА Медиа
Групп, 2011.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь
псковских пословиц и поговорок. СПб. : Норинт,
2001.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Никола-
ева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. :
ОЛМА Медиа Групп, 2010.
10. Никитина Т.Г. Псковские пословицы в
тематико-идеографическом словаре // Фразеоло-
гизм в тексте и текст во фразеологизме. IV Жуков-
ские чтения : материалы Междунар. симпозиума.
Великий Новгород : НовГУ, 2009. С. 278–280.
11. Разумов А.А. Мудрое слово: русские по-
словицы и поговорки. М. : Детгиз, 1967.
12. Рыбникова М.А. Русские пословицы и по-
говорки. М. : Изд-во АН СССР, 1961.
13. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц
и поговорок. Ниж. Новгород, 1996.
14. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские
пословицы, поговорки и крылатые выражения:
лингвострановедческий словарь. М. : Рус. яз., 1979.
15. Krikmann A., Hussar A., Pino V., Sarv I., Sau-
kas R. Eesti vanasõnad I. Tallinn : Eesti Raamat, 1980.
16. Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino
V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad II. Tallinn : Ees-
ti Raamat, 1983.

* Печь была обязательным элементом русской избы:
в ней готовили пищу, она отапливала помещение, ис-
пользовалась как спальное место.

** Трястье – устаревшее русское слово: трясушка,
лихорадка; образовано от глаг. *трясти, трястись*.

17. Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad III. Tallinn : Eesti Raamat, 1985.

18. Krikmann A., Hussar A., Sarv I. Vanasõnaraamat. Tallinn : Eesti Raamat, 1984.

Russian proverbs at the background of Estonian ones: considering the concept of thematic linguistic and culturological dictionary

There is shown the issue of bilingual lexicographical representation of proverbs in linguistic and culturological aspect. According to the author's conception, ethnic and cultural specificity of proverbs is reflected by means of their thematic classification, signs of similarities and differences of figurative structures and commenting of culture-determined components.

Key words: *proverb, bilingual lexicography, thematic dictionary, interlingual equivalent, linguistic and culturological commentary.*

И.С. СТАХАНОВА
(Волгоград)

**ЗАГЛАЗНЫЕ ПРОЗВИЩА
В ШКОЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
И МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ**

На основе анализа русских и американских заглазных прозвищ выделены коммуникативно-прагматические и мотивационные модели. Сделан вывод об универсальности рассмотренных прозвищ в школьной коммуникации.

Ключевые слова: *прозвище, заглазное прозвище, коммуникативно-прагматическая модель, мотивационная модель, именующий субъект, адресат.*

К одной из особенностей речи современного школьника, на которую обращают внимание исследователи [2; 3; 4 и др.], относится употребление в повседневной коммуникации прозвищ. Как правило, это явление иллюстрируют примерами прозвищ, обращенных непосредственно к адресату, используемых в

относительно замкнутых школьных коллективах в ситуации социального равенства участников коммуникативного акта. Однако проведенный нами анализ речи российских и американских школьников выявил так называемые «заглазные» прозвища, которые занимают особое место в школьной коммуникации. Англоязычного эквивалента данному понятию нет, однако русскому выражению *за глаза* в английском языке соответствуют следующие словосочетания: *behind smb's back, without smb's knowledge, in smb's absence*. Данному типу прозвищ, не употребляемых в процессе непосредственного общения с именуемым лицом, в ономастических исследованиях не уделялось достаточно внимания. Между тем, как показал анализ рефлексивных высказываний носителей и авторов прозвищ, этот тип неофициального наименования широко представлен в школьной среде, характеризуется номинативным и функциональным разнообразием. Отличительной чертой заглазных прозвищ является отсутствие у них апелляционной и фатической функций при наличии характеризующей, эмоционально-экспрессивной и маскировочной функций, а также функции персонификации.

Основной причиной появления заглазных прозвищ является социальное неравенство автора (именующего субъекта) и именуемого. Взаимоотношения представителей разных социальных групп в школьном сообществе, при которых нередко имеет место возникновение заглазного прозвища у одного из участников, могут быть рассмотрены в рамках нескольких коммуникативно-прагматических моделей.

Модель «ученик – учитель» (в качестве именующего субъекта выступает ученик, именуемого – учитель). Как показывает количественный анализ, носителями большинства заглазных прозвищ всегда были и остаются учителя, авторами – ученики. Заглазные прозвища учителей – самая распространенная группа данных прозвищ (75% от общего количества), что обусловлено рядом причин. На протяжении обучения в школе восприятие учителя учениками перестает сводиться лишь к исполняемой им социальной роли (педагога, преподавателя определенного предмета), к нему начинают относиться как к личности со своими особенностями и характеристиками (внешность, манера одеваться, речевое поведение и т.д.) и оценивать их через призму несоответствия общественным стандартам.